

Арх. Тихон (Агриков) «Старец Николай»
(из книги «Матерь Света»)

Маленький кудрявый мальчик горько плакал и утирал слезы пухленькой ладонью. Он никак не мог отойти от Святой Плащаницы. Мама ему говорила, что идем Господа хоронить.

– А зачем Он умер? – спрашивал Коля, и голубые его глазки наполнились слезами.

– Его убили злые люди, – ответила мать, а сама отвернулась, чтобы Коля не видел ее слез.

Но ребенок сердцем понял, что маме сильно жалко Господа, и он заплакал. А потом упросил ее взять и его с собой в церковь, чтобы проститься с Господом.

Держась за руку матери дорогой, Коля все думал про Господа. Какой он был хороший, какой добрый, как Он любил детей, жалел бедных, слабых и убогих.

– Как же мы теперь, мама? – спросил он свою мать.

– Чего, Коля? – не понимая, спросила мать своего сына.

– Как же мы теперь без Господа? Ведь Его замучили, – мать ничего не ответила ребенку, только крепче сжала его маленькую ручку в своей руке и пошла быстрее.

– Откуда такие мысли у него? – думала мать про Колю, – ведь ему всего только шесть.

И вот теперь они у Святой Плащаницы. Ребенок плачет. Слезы градом текут из его глазок. Он смотрит на лик Спасителя и не отходит от Плащаницы.

– Коля, идем, – тихо зовет мать, – людям прикладываться надо.

Но ребенок будто не слышит. Он напряженно всматривается в лик Господа и... вдруг он бледнеет и дрожит всем телом.

– Мама, мама! – восклицает Коля на всю церковь, – Он живой, Он живой!

Люди в храме замирают от неожиданности. А звонкий детский голос кричит:

– Господь живой, Господь живой!

Мать не знала, что делать. Ей стало страшно. Она боится подойти к Святой Плащанице. А ребенок сияет от восторга. Голубые глаза Коли стали еще больше, и он вне себя от неопишуемой радости.

Народ толпой подступил к Плащанице. Кто напрягается смотреть на святыню, кто, став на колени, плачет.

На крик ребенка подошел священник.

– Мама, мама! – вскричал еще раз Коля. – Господь, Господь... весь в крови... Он мертвый...

Коля зарыдал. С ним сделалось плохо. Если бы его не подхватила мать, он упал бы на пол и разбился. Всю ночь с Колей был жар. Он бредил:

– Мама, мама, какие ласковые глаза у Господа! Ведь Он открывал их... кровь, кровь... мама, – и он вдруг начинал метаться...

О, милые и бедные дети! На один только миг Господь открыл для вас Свой светлый лик и... умер, замученный отцами...

Неужели Он умер для вас навсегда?.. Неужели?.. Дети, дети!.. Бедные, милые дети!..

«Воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогих Твоих до конца» (прокимен Великой Субботы).

Но зато как радовался Коля Воскресению Христову! Какими огнями неземного восторга горели его голубые глазки!

– Мама, мама, милая моя мамочка, – говорил он восторженно, глядя прямо в глаза своей матери, – я тебе говорил тогда, что Господь жив. Разве кто мог бы его убить, разве возможно нам жить без живого Господа?

Ребенок обнимал колени своей матери, лез к ней на руки и прижимался своим пухлым, радостным личиком к ее щекам.

А когда мать дала Коленьке красное яичко, на котором было написано «Христос Воскресе», то мальчик серьезно спросил:

– Мама, а это написал Ангел, да?

Не дожидаясь ответа, он снова спрашивает мать:

– Мама, а я увижу Господа воскресшего? Да, мама?

– Увидишь, Коля, обязательно увидишь, – вырвалось у матери.

Сказала и подумала: «Зачем я обманываю ребенка?»

А Коля опять:

– Да, увижу, но не скоро, – и заплакал.

– Ты, что это, детка, плачешь? – спросила изумленная мать.

– Я и сам не знаю, – откровенно признался мальчик и задумался...

А потом опять спросил:

– А нашего папу тоже увижу? Да?

– И папу увидишь, – уверенно ответила, а сама вздохнула и тоже задумалась.

Печальное личико Коли прояснилось, и он тихо улыбнулся и сказал:

– Как хорошо, мамочка, с Господом жить, да, мамочка?

Она ничего не ответила, а только внимательно посмотрела на сына и украдкой смахнула слезу...

Прошло несколько десятков лет, но какие это были годы? Какие странные и необычные времена?..

В глубокой каменной расселине скалы подвизался старец. Уже несколько лет он один молился здесь Богу. Давно не видел лица человеческого и, когда поднимал свой взор к небу, видел только, как орлы, расправив свои могучие крылья, парили в голубой выси.

Слышал старец, что в миру творится что-то ужасное: то кровопролитные братоубийственные войны, то голод и моры, то необычные землетрясения. Мир гибнет в муках безбожия и уныния. Но с какой яростью и злобой он убивает и уничтожает рабов Христовых?..

Каждую ночь, когда старец после вечерней молитвы ложился на свое каменное ложе, он видел сны или откровения от Бога. Как к небу поднимались, точно белые голуби, души убиенных людей за Христа. Их было много. Они точно птицы стаями неслись в небесную лазурь, сопровождаемые дивным пением Ангелов.

– Матерь Божия, – плача от страха и радости, говорил старец, – знать, сам антихрист воцарился на земле. Эго он убивает столько душ христианских.

Вставши от сна, старец падал на колена пред маленькой иконочкой Божией Матери и, рыдая, говорил:

– Царица Небесная, Заступница рода христианского, спаси мир от гибели. Укрепи верных в муках и голоде. Не дай врагу посмеяться над достоянием Сына Твоего.

О, Госпоже наша, Пресвятая Богородице, защити род христианский, совсем беззащитный. Спаси невинных младенцев, дев, юношей, жен, мужей, старцев; монашество спаси, Владычице, священство – всю Церковь Божию от злобы и насилия супостатов и бесов...

Старец падал ниц на каменный пол пещеры и надолго замирал.

В пещере не было и капли света, могильная тишина царила вокруг, и только там, еще глубже, на дне, в самой пропасти, бился горный источник, и шум его доносился до слуха старца.

– Вот так в миру бьются люди, – думал старец Николай с замиранием сердца. – О, бедные люди, люди... как вас жаль и какие ужасные цепи, вечные цепи готовит вам сатана...

– Мать Божия! – вопил старец. – Неужто я доживу до Страшного Пришествия Христова? Неужто правда доживу, я увижу живого Христа, Господа своего?

Старец вспоминал слова своей матери, когда она еще маленькому ему – Коле – говорила, что он увидит живого Господа, и ему делалось так страшно, что все члены старца дрожали как в лихорадке, потом холодели, и он делался как мертвый.

Но когда старец вспоминал ласковые глаза Господа, которые он еще в младенчестве видел на Плащанице, какое-то приятное тепло наполняло все его существо и на душе делалось тихо и радостно.

За эти долгие годы одиночества старец Николай все время молился Матери Божией и святителю Николаю, имя которого он носил. И если бы кому довелось спуститься в ту пропасть, где жил старец, и подслушать его молитву, то затрепетал бы от страха. Старец разговаривал с Матерью Божией, как с живой.

Вот Она пришла к нему, как некогда к преподобному Сергию или преподобному Серафиму, и беседует с пустынником:

– Неужто Ты, Владычица наша, не спасешь мир от гибели? – слышался в глубине пещеры умоляющий голос старца.

Ответа вы не слышите, но трепет, пробегающий по вашим членам, говорит, что Мать Божия отвечает старцу.

– А верных рабов Сына Твоего и нашего Господа укроешь ли Ты, Пречистая, от супостата антихриста?

– И как скоро будет пришествие Господа – Сына Твоего?

В пещере водворяется жуткая тишина. Слышится только, как старец, не поднимая лица с пола, плачет, плачет...

– Боже, мой, Боже мой, – вздыхаете вы трепетно, – значит, День Христов близок, он при дверях...

Вас душат слезы, и вы, тихо повернувшись, удаляетесь от таинственной пещеры...

На земле «Великий Пяток» – нравственное распятие Господа, распятие веры, распятие надежды, распятие и погребение всего доброго и святого...

А на небе-облаках стоит «Уготованный Престол», с которого Христос Бог наш имеет судить мир. Белый сияющий Престол парит в вышине... Его окружают грозные Херувимы... А Судии Праведного еще нет...

Однажды Старец Николай так сильно молился, так много плакал пред иконочкой Божией Матери, что силы физические совершенно оставили его. Он впал в какое-то забытие, ничего не чувствовал и ничего не слышал, только уста его непрерывно повторяли: «Господи, когда же это будет, какой час пришествия Твоего?!»...

Вдруг ему показалось, что кто-то могучий и сильный подхватил и понес его выше гор, выше облаков, выше звезд небесных. Прошло сколько-то времени, и они оказались в сияющем необъятном пространстве. Всюду, насколько мог охватить глаз, плыли волны сменяющегося света: то бледно-розовые, то нежно-голубые, то фиолетово-оранжевые... В самом зените этого дивного светового поля неподвижно стояло большое светло-огненное облако.

Спутник сказал старцу: «Смотри и не бойся!»

И вот огненное облако пошло в сторону, открывая собою глубину небес. Как большая дверь, открываясь, показывает внутренность Светлого Чертога, так и это светлогонное облако открыло пред взором старца светлый Божий рай. Старец упал на колени и лицо свое склонил долу... Что могла почувствовать бедная душа человеческая, хотя самая праведная и святая? Что могла она вместить в себя, видя иной сверхпрекрасный мир Божий?

И если святой апостол Павел, увидев все это, после говорил, что невозможно передать языком человеческим, что там он видел и что слышал, то что же сказать о старце Николае?.. Он запомнил только одно. Он увидел, как Матерь Божия, одетая в сияющие царские одежды, окруженная сонмами мучеников, преподобных, всех святых, приблизилась к Сидящему на Херувимах Господу и упала пред Ним на колени... Она слезно молила Господа за мир, Она просила Сына Своего и Бога, чтобы Он еще немного потерпел грехи человеческие... В небе была такая страшная и жуткая тишина, что казалось, все замерло и слилось в единый огромный во все небо сияющий круг.

Долго ли длилось такое ослепительное стояние (неподвижность) неба? Старец не знал. Господь, видимо, скоро умилился и переменил гнев Свой на милость. Пречистая и Препоблагословенная Дева Мария умолила Сына Своего за род человеческий.

Вдруг красно-огненный свет, окружающий Престол и Сидящего на Нем, переменялся на мягко сияющий голубой свет. Одновременно с этой переменой на небе раздался громкий голос Архангела Гавриила: «Богородицу и Матерь Света и песнех возвеличим!»

И разом хор Ангелов, хор Херувимов, Серафимов – все необъятное небо едиными устами запело гимн Пречистой Деве Марии. Аккорды дивной небесной хвалы неслись стройной гармонией по необъятному своду небес. Все пело, все ликовало неопишущим величием горней красоты и невыразимой благодати. Молнии переменой радуги цветов, исходящей от всемогущего Престола славы Божией, слепили очи даже самих Ангелов.

И мог ли смертный человек вынести все это и не умереть сразу от избытка нахлынувших чувств?..

А когда Матерь Божия, поднятая руками Господа, восстала и двинулась, как голубое облако, в сторону от Престола, слава Божия засияла так ярко, так блистающе, что невозможно было не растаять в прах и не потерять самочувствия...

Старец Николай очнулся уже в своей каменной пещере. Он не знал, что с ним происходит. Сначала ему показалось, что он низвержен на дно самого ада. Ощувив темноту, он зарыдал, как ребенок, которого бросила родная мать. Потом, узнав свою пещеру, он устремил взор на иконку Божией Матери Казанской... Дыхание у него остановилось, пульс перестал биться.

– Эго Ты, Владычица, в дни страшной гибели умоляешь за нас Бога, – прошептал старец... и в темной келии раздался вопль человеческого страдания и... повис страшным эхом над мрачной, глубокой бездной...

Спустя полчаса, на востоке загорелось огненное зарево. Оно все больше и шире охватывало горизонт. Свет пополз по каменистым утесам гор и заглянул в маленькую каменную пещеру старца Николая. Там было тихо, как в могиле, только среди пещеры лежал человек. Он был недвижим...

Но несомненно было то, что Господь Бог по молитвам Пречистой Своей Матери давал новый день для людей грязной земли. Он давал время, чтобы кто-нибудь из людей еще мог бы покаяться и не погибнуть злой и нераскаянной смертью...

И только к вечеру, когда Солнце уже уходило за острые вершины гор, из пещеры вышла тень человека. Это был старец Николай. Подняв истощенный свой взор к небу, он опять заплакал: «Матерь Света, Ты – Матерь Света! – повторили несколько раз его дрожащие уста. – Ты здесь с нами, на нашей грешной земле, и Ты там – у Престола вечной славы...

Тобой держится мир и с Твоим Пречистым именем на устах верные христиане идут на последнюю кровавую смерть...

Матерь Божия – Ты несешь нам от Престола Божия свет жизни, но долго ли, долго ли он будет еще нас освещать?!..

Солнце зашло за горы. Свет угасал. Тьма уже змеилась по расщелинам гор. Еще один день, подаренный земле Господом, кончался... И будет ли назавтра новый день? Будет ли еще у нас время? А если будет, то сколько?!..

На облаках стоит «Уготованный Престол», а на грязной земле «Пяток Великой скорбной седмицы»!..

«Лобызаеши и предаеши, Иудо!

Целуеши и не стыдишия...

Кто, ненавидя, лобызает троекратно ?

Кто любя, продает по цене?»...

(Стихира Страстной.)

Сын Человеческий, возлюбленный Господь наш Иисус Христос, наша радость, наша надежда, вторично продается новыми Иудами – всем миром, и не за тридцать сребренников, а уже даром... как ничего не стоящий, как никому не нужный...

А мы, немногие, горько плачем вместе с мироносицами у Его страдальческого гроба... и кто нас утешит?..